

бергера, «Хроники Быховца» (третье десятилетие XVI в.), «Sarmatiae Europae Descriptio» (1578) Александра Гванини, «Kronika polska, litewska, z mōdzka i wszystkiej Rusi» (1582) Мацея Стрыйковского и многие другие.

Завершают том сокращения источников и литературы, указатели мифологем, народов и племен, местных и личных имен. Только теперь с полной ответственностью можно сказать, что перед исследователями открывается наконец широкое поле разнообразных источников, позволяющих надежно судить о религии, мифологии и обрядах балтов в XVI в. Несомненно, что вскоре наступит и пора сбора урожая. Он должен быть более богатым, более надежным и, надо надеяться, внесет немало нового в наши представления об этой важной стороне духовной жизни балтов.

И во всяком случае последний по времени обзор балтийской мифологии из «Wörterbuch der Mythologie», изданного Н. W. Haussig'ом в Штутгарте и подготовленного еще Й. Балисом и X. Биезайсом, может теперь быть дополнен рядом ценных деталей из источников, собранных Н. Велюсом.

В связи с религиозно-мифологической темой следует указать еще на два заслуживающих внимания издания. Речь идет о двух книгах. Первая из них — «Senovės baltų kultūra. Nuo kulto iki simbolio» (Vilnius, 2002). Эта книга представляет собою серийное издание, учрежденное в 1992 г. Вся же серия посвящена исследованию духовной культуры древних балтов. До сих пор вышло пять сборников, отличающихся широтой тематики и высоким научным уровнем: «Ikikrikščioniškoji Lietuvos kultūra» (1992), «Senovės baltų simboliai» (1992), «Prūsijos kultūra» (1994), «Dangaus ir žemės simboliai» (1999), «Augalų ir gyvūnų simboliai» (1999). Таким образом, вышедший в 2002 г. сборник является шестым в серии. Составитель сборника Эльвира Усачёвайте. В сборнике 17 статей. Несомненный интерес представляет раздел, посвященный культу. Его составляют статьи Г. Беренявичюса («Kultas Transalpinės Europos religijose»), в которой культовые места балтов вводятся в более широкий контекст культовых локусов «трансальпийских» народов, Н. Лауринкене («Šventovė Prūsijoje baltų ritualų ir mitologinės tradicijos kontekste»), Э. Усачёвайте («Baltiškasis aukojimas») и Г. Забелы («Tariamasis kulto vietos keliuose tyrinėjant Lietuvos piliakalniuose»). Следующий раздел сборника — «Simboliniai įvaizdžiai lietuvių ir latvių žodinėje tradicijoje». Он представлен работами Ю. Уртанса («Latviškų padavimų motyvai — pinigų statinė šaltinyje prie piliakalnio»), М. Завьяловой («Pasaulio modelis lietuvių užkalbėjimuose»), И. Упениене («Paukščių kultinė prasmė latviškoje medžiagoje»), Р. Ивановской («Žydintis medis — moters paveikslas genezė latvių liaudies dainose»), С. Рыжаковой («„Вокруг повсюду песчаные холмы, сама Рига в воде“ (Рига: город и миф)»), Д. Шешкаускайте («Apeigos karo sutartinėse»). Третий и последний раздел — «Simbolio meninės formos». Он состоит из статей В. И. Кулакова («Стилистика и символика

прусского орнамента I–XI вв.», М. Смирновой («Орнамент на погребальных украшениях населения междуречья рр. Нагаты и Деймы V–IX вв.: опыт статистической обработки»), С. Урбонене («Švč. Mergelės Marijos vaizdavimas tradicinėje lietuvių liaudies skulptūroje»), Г. Янкявичюте («Kanklininkas-vaidila tarpukario Lietuvos meninėje kultūroje»), С. Ренчиса («Archajinių tikėjimų motyvai dabartinėje lietuvių lyrikoje»), И. Янкаускаене («Simbolizavimas. Loginiai ir socialiniai simbolio tyrimo aspektai») и К. Настопки («Simbolio apibrėžimo beiškant»). В заключение сообщаются краткие сведения об участниках этого сборника. См. также ниже.

Вторая книга, заслуживающая пристального внимания, написана Дайнюсом Разаускасом. Называется «Ryto ratų ritimai. Pagrindinio kosmologinio modelio rekonstrukcija su etimologiniais priedainiais» (Vilnius, 2000). В фонетически отмеченной части названия при иных условиях можно было бы увидеть претензию на оригинальность в сочетании с нарочитостью. Однако Д. Разаускас весьма серьезный исследователь, сочетающий в себе аналитичность и синтетичность, пронизательный ум и интуицию, наконец, глубокий интерес к тому, что лежит за конкретными данностями, за верхним слоем явлений. Ознакомившись с книгой, читатель поймет и эту нарочитость заглавия: именно она отсылает в самую глубь мифопоэтического смысла, как это делает и выполняющее эпиграфическую функцию фольклорное шестистишие с теми же фонетически-семантическими совокупностями:

Kas tar teka per dvarelį?
Saulala riduolėlė, saulalā!
Ką tar neša tekėdama?
Saulala riduolėlė, saulalā!
Neša rytą tekėdama
Saulala riduolėlė, saulalā!

Эта книга Д. Разаускаса (впрочем, как и другие его работы) наглядно показывает не только умение сочетать научную акрибию с умением погружаться в глубины мифопоэтического, адаптироваться к нему, придавать особое значение языку, этому «дому бытия», по Найдеггеру, докапываться до мотивации обозначения ключевых слов, но и ощутить себя самого как носителя соответствующей традиции, т. е. из посредника стать свидетелем его. Тема колеса-круга, катания-качения сквозная в книге, отражаемая и в самой ее структуре. Ср. главы — 1. Saulės ratas, 2. Kūno ratas, 3. Spalvų ratas, 4. Sielos ratai, 5. Sėklos ratas, 6. Seilių ratas, 7. Sielų ratas, 8. Akiratis.

В Вильнюсе в 1999 г. вторым изданием вышла книга В. Багданавичюса «Laumių praeitis Lietuvoje» (первое издание [Chicago, 1982] вышло под названием «Laumės, jų religija ir kultūra»). Книга состоит из трех час-